

ФГАОУ ВПО «СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФГБОУ ВПО «ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В. Н. КАРАЗИНА
ВРОЦЛАВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

УЧЕБНИК

Направление подготовки 460401 – История
Магистерская программа «Всеобщая история»

Ставрополь
2015

УДК 930.1:316.722 (075.8)
ББК 63.3:71.05 я73
С 75

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Северо-Кавказского федерального
университета

Ответственные редакторы:

И. А. Краснова	доктор исторических наук, профессор
И. В. Крючков	доктор исторических наук, профессор
С. А. Польская	кандидат исторических наук, доцент

С 75 **Сравнительная история мировых цивилизаций:** учебник / отв. ред.:
И. А. Краснова, И. В. Крючков, С. А. Польская. – Ставрополь: Изд-во
СКФУ, 2015. – 296 с.

ISBN 978-5-9296-0751-6

Учебник составлен в соответствии с требованиями ФГОС ВО к подготовке выпускника для получения квалификации «Магистр».

Охватывает развитие цивилизаций Европы, Америки, Азии и Африки на всём протяжении развития с древнейших времён до настоящего времени и даёт полное представление об особенностях их исторического пути и современном состоянии.

Предназначен для студентов, обучающихся по направлению 460401 – История, магистерской программе «Всеобщая история», а также для студентов вузов гуманитарного профиля.

УДК 930.1:316.722 (075.8)
ББК 63.3:71.05 я73

Рецензенты:

д-р истор. наук, профессор **В. Ю. Апрыщенко**,
д-р истор. наук, профессор **С. Л. Дударев**

ISBN 978-5-9296-0751-6

© Коллектив авторов, 2015
© ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский
федеральный университет», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебник «Сравнительная история мировых цивилизаций» для студентов магистратуры и вузов гуманитарного профиля охватывает, согласно принятой периодизации, историю с момента формирования древнейших очагов социума II тыс. до н. э. до сегодняшнего дня. Поскольку развитие ряда стран Европы, Востока и Америки происходило асинхронно, то в ряде случаев применительно к ним хронологические рамки варьируются. Авторы сознательно исключили из содержания учебника российскую цивилизацию: не только потому, что её история преподается в отдельном профиле подготовки магистров, но и в силу выраженной сложности и объёмности этой задачи. Стремлением создателей настоящего издания являлось отражение исторической действительности с позиций цивилизационного подхода и тех междисциплинарных методик, которые он предлагает, синтезируя важнейшие процессы и закономерности развития отдельных регионов, необходимые для подготовки профессионального историка. Разумеется, всё многообразие фактов, событий, достижений, срывов, имён и биографий невозможно воссоздать ни в одном учебнике, и авторы сконцентрировались на наиболее профильных характеристиках именно цивилизационной специфики регионов Европы и Азии на всём протяжении их исторического развития.

Учебник является новым, международным, изданием, но опирается на традиции, заложенные ставропольской школой исторического образования, реализованной в предшествующих пособиях 1996, 1999 и 2000 гг. Но поскольку все они увидели свет ещё в конце прошлого столетия, то назрела необходимость обновления и концептуальной, и фактической стратегии изложения. Тем более что заявленной целью преподавания в магистратуре курса «Сравнительная история мировых цивилизаций» выступает углубленное изучение основных проблем и тенденций политического, социально-экономического и международно-правового аспектов развития разных типов цивилизаций. Поэтому авторы не обошли вниманием столь важные разделы, как историю Центрально-Восточной Европы (в том числе – её славянского сегмента), историю Северной Америки (в первую очередь – США); большее внимание уделили всему многообразию цивилизаций Востока, опыту Византийской цивилизации, характеристикам состояния современного общества.

В написании и подготовке учебника принимали участие ведущие специалисты вузов нескольких стран: Северо-Кавказского федерального университета (Россия), Пятигорского государственного лингвистического университета (Россия), Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (Украина) и Вроцлавского университета (Польша). Перевод на русский язык материалов польских коллег осуществил канд. истор. наук, доцент И. К. Ким (ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»). Авторами отдельных глав являются:

Введение. «Теоретические основы цивилизационного подхода к истории» – д-р истор. наук, профессор И. А. Краснова (СКФУ); канд. истор. наук, доцент С. А. Польская (СКФУ);

Глава I. «Генезис древнейших цивилизаций» – д-р истор. наук, профессор А. А. Кудрявцев (СКФУ); канд. истор. наук, доц. Е. А. Кудрявцев (СКФУ);

Глава II. «Специфика древневосточных цивилизаций» – д-р истор. наук, профессор А. П. Беликов (СКФУ);

Глава III. «Античная цивилизация как особый путь развития» – д-р истор. наук, профессор А. П. Беликов (СКФУ);

Глава IV. «Средневековая цивилизация Западной Европы» – д-р истор. наук, профессор И. А. Краснова (СКФУ);

Глава V. Город в средневековой цивилизации – д-р истор. наук, профессор И. А. Краснова (СКФУ);

Глава VI. «Византийская цивилизация» – канд. истор. наук, доцент С. А. Польская (СКФУ);

Глава VII. «Цивилизации Юго-Восточной и Центральной Европы эпохи средневековья» – доцент Д. Адамска (Вроцлавский университет); канд. истор. наук, доцент С. А. Польская (СКФУ); пер. с польск. – канд. истор. наук, доцент И. К. Ким (ВГСПУ);

Глава VIII. «Цивилизации средневекового Востока» – канд. истор. наук, доцент. Е. П. Тельменко (СКФУ);

Глава IX. «Страны Запада в XVII–XVIII вв.: от традиционного общества к индустриальному» – канд. истор. наук., доцент Т. В. Пантюхина (СКФУ);

Глава X. «Западноевропейская цивилизация на индустриальной стадии развития: социальная структура общества и политические процессы в XIX – начале XX вв.» – канд. истор. наук, доцент. Т. В. Пантюхина (СКФУ);

Глава XI. Цивилизации Центрально-Восточной Европы эпохи раннего нового времени – доцент Э. Ковальчик (Вроцлавский университет); пер. с польск. – канд. истор. наук, доцент. И. К. Ким (ВГСПУ);

Глава XII. «Цивилизации Востока в новое время» – канд. истор. наук, доцент А. И. Тумаков (Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина);

Глава XIII. «Страны Запада в первой половине XX столетия (1918 – 1945 гг.)» – канд. истор. наук, доцент. Л. Н. Величко (СКФУ); канд. истор. наук, доцент. И. А. Коробкина (СКФУ);

Глава XIV. «Исторические особенности развития Центрально-Восточной Европы в условиях модернизации XVIII–XX вв.» – д-р истор. наук, профессор И. В. Крючков (СКФУ); профессор. П. Цихорацки (Вроцлавский университет); пер. с польск. – канд. истор. наук, доцент. И. К. Ким (ВГСПУ);

Глава XV. «Современное постиндустриальное общество: особенности и противоречия развития» – канд. истор. наук, профессор В. П. Ермаков (ПГЛУ); д-р истор. наук, профессор И. В. Крючков (СКФУ); канд. истор. наук, доцент. Н. Д. Крюčkова (СКФУ);

Глава XVI. «Цивилизации Востока в условиях распада колониальной системы и глобализации» – канд. истор. наук, доцент А. И. Тумаков (Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина).

Семья начинает распадаться, ослабевают связи между детьми и родителями. Распространённым явлением становятся гражданские браки и неполные семьи. Развод стал обыденным явлением. Во Франции с 1960 по 2000 гг. количество разведённых пар увеличилось с 2,85 % до 9,37 % на тысячу семей, а количество замужних женщин сократилось с 60,3 % до 48,8 %. Необходимо отметить, что практически во всех государствах Западной Европы растёт количество мужчин, не желающих вступать в брак. После острых дебатов развод во второй половине XX в. разрешили даже в таких столпах католической церкви, как Италия, Испания и Ирландия. Примерно такое же положение с разводами отмечено в странах Центрально-Восточной Европы. В конечном итоге этот фактор также способствовал здесь снижению рождаемости.

С 60-х гг. в результате «сексуальной революции» стало меняться отношение общества к сексу, когда из запретной темы он стал обыденным явлением, неотъемлемым атрибутом жизни человека. Это привело к колоссальным изменениям в одежде женщин и в меньшей степени мужчин. Одним из последствий «сексуальной революции» явилась легализация гомосексуализма и лесбиянства. В 90-е гг. XX в. – начале XXI вв. отношение к сексуальным меньшинствам становится важным фактором, определяющим внутривнутриполитическую жизнь стран Европы и Северной Америки. Всё большее количество государств легализует однополые браки.

Таким образом, общество европейских государств и Северной Америки во второй половине XX в. переживает кардинальную трансформацию. Индивидуализм вытесняет коллективные ценности, в том числе разрушая атомарную семью и религиозность. Ориентиры потребительского общества стали определяющим фактором жизни человека и социума. Эти и другие причины привели к размыванию социальных границ и мобильности общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бригс П., Клэвин П. Европа нового и новейшего времени с 1789 года и до наших дней / пер. с англ. А. А. Исэрова, В. С. Нестерова. М., 2008.
2. Павлов Н. В. История современной Германии. 1945–2005. М., 2006.
3. Социальная Европа в XXI веке / под ред. М. В. Каргаловой М., 2011.
4. Франция в поисках новых путей / под ред. Ю. И. Рубинского. М., 2007.
5. Яжборская И. С. Глобализация и опыты трансформации в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы. М., 2008.

ГЛАВА 16. ЦИВИЛИЗАЦИИ ВОСТОКА В УСЛОВИЯХ РАСПАДА КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Начало XX в. ознаменовалось «политическим пробуждением» Азии. Революции в Иране 1905–1911 гг. и Османской империи 1908 г. привели к ограничению абсолютизма и введению конституционного правления в этих странах. В 1905–1908 гг. Индию потряс подъём национального движения, что заставило английские власти внести коррективы в свою политику. Синьхайская революция в Китае 1911–1913 гг. свергла монархию и провозгласила республику.

Первая мировая война потрясла всю систему мироустройства. Официально в неё были вовлечены такие страны Востока как Япония, Индия, Китай, Османская империя и Египет. В составе европейских армий сражались сотни тысяч уроженцев колоний, получившие в результате современную военную подготовку и боевой опыт. Война глубоко затронула и те страны, которые не принимали непосредственного участия в боевых действиях. Впервые огромные массы населения Востока оказались вовлечёнными в события мирового масштаба. Важнейшим идеологическим итогом войны стало крушение мифа о всемогуществе и непобедимости европейцев. Под давлением обстоятельств европейские страны, отбросив свои былые принципы, начали оказывать поддержку национально-патриотическим движениям в колониях своих противников. В итоге «Европа, а не Германия, проиграла мировую войну, потеряв уважение цветных» (О. Шпенглер).

Завершение Первой мировой войны положило начало новой эпохи: изменилась политическая карта мира, на руинах рухнувших империй образовались молодые государства. Началось формирование новой структуры международных отношений, европоцентричной по своему характеру, поскольку западные державы диктовали свою волю и устанавливали собственные правила игры на мировой арене. В колониальных странах разворачивается массовое национально-освободительное движение, предопределившее дальнейшую деколонизацию Востока.

Распад колониальной системы. После окончания Первой мировой войны начинается фактический распад колониальной системы на Востоке. Лишилась своих владений в Африке и Океании Германия. Крушение Османской империи заложило предпосылки для формирования системы независимых государств на Ближнем Востоке. В результате распада Российской империи возникли условия для национального самоопределения народов Кавказа, Закавказья и Средней Азии. Однако отошедшие от Османской империи территории и бывшие германские колонии оказались под управлением стран Антанты, что было юридически оформлено Лигой Наций в виде мандатной системы. В азиатских районах бывшей Российской империи была установлена Советская власть, и вскоре они были интегрированы в состав СССР.

В 1919 г. в результате вооружённой борьбы полностью вышел из-под английского подчинения Афганистан. Вслед за ним от колониального контроля освободились Турция и Иран, где к власти пришли национально-патриотические силы, взявшие курс на модернизацию и укрепление суверенитета своих государств.

Война за независимость 1919–1923 гг. позволила Турции отстоять свой суверенитет и создала условия для качественно нового реформирования общества и государства. Пришедшие к власти патриоты во главе с Мустафой Кемалем Ататюрком в своей деятельности сумели синтезировать задачи европеизации с националистической, антиимпериалистической и антиклерикальной идеологией. Общенациональные ценности они ставили выше религиозных, племенных и классовых. Кемаль стал первым лидером мусульманского мира, который решился на политический разрыв с исламом отделение религии от государства. В Турции, где мусульмане составляли более 90 % населения, были ликвидированы султанат и халифат, установлен режим светской республики. Ислам ушёл из политики, духовенство было отстранено от власти. В 1924 г. был отменён суд

шариата (в СССР – в 1927 г.). Из экономики страны удалось вытеснить иностранный капитал, что создало условия для развития национального производства. Проведённые реформы, затронувшие все сферы жизни общества, кардинально изменили облик Турции и означали для неё «прорыв в современность». До сих пор опыт создания Турецкой Республики, в которой рамки религиозной сферы обозначены конституционно, является уникальным для мусульманского мира.

Подобные же реформы, хотя и не столь радикальные в отношении ислама и более скромные по экономическим результатам, были проведены и в Иране по инициативе Реза-шаха Пехлеви в 1920–1930-е гг.

В 1922 г. Англия была вынуждена заявить об отмене протектората и признании Египта «независимым и суверенным государством». Год спустя он стал конституционным королевством с двухпалатным парламентом (правда, англичане сохранили за собой «право на оборону» Египта). В результате Национальной революции 1925–1927 гг. произошло политическое объединение Китая, который вступил на путь пересмотра неравноправных договоров с Западом, подписанных в колониальную эпоху. Однако этот процесс затормозили вспыхнувшая гражданская война и начавшееся в 1931 г. военное вторжение Японии. В 20–30-е гг. XX в. развернулось широкое национально-освободительное движение в Индии, Индонезии и других азиатских колониях Запада. В начале 1940-х гг. была признана политическая самостоятельность Сирии и Ливана. Всё это создавало предпосылки для углубления кризиса колониальной системы и её дальнейшего распада.

После окончания Второй мировой войны процесс *деколонизации* пошёл более интенсивно. Первыми провозгласили независимость страны Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока. В 1947 г. независимость получили Индия и Пакистан, вслед за ними – Бирма (Мьянма), Цейлон (Шри-Ланка) и др. К середине 50-х гг. освободилась почти вся Азия, за исключением нескольких территорий. Деколонизация Северной и Тропической Африки в 50–60-е гг. завершила распад английской, французской и бельгийской колониальных империй. А во второй половине 70-х гг. прекратила своё существование старейшая из них – португальская.

Её «живучесть» во многом объяснялась тем, что Португалия, не имевшая реальных экономических возможностей для освоения природных ресурсов своих колоний, допустила туда крупный иностранный капитал. В итоге португальская империя превратилась в «коллективную колонию» Запада, что вполне устраивало всех её «совладельцев». Однако в 1974 г. в Португалии произошла демократическая революция, покончившая с авторитарным режимом. После этого колониальная империя рухнула, а на её обломках образовались новые суверенные государства.

Глобальный процесс ликвидации колониализма завершается в конце 80-х – 90-е гг., когда в 1990 г. независимость получила последняя колония на африканском континенте – Намибия, а Китай восстановил суверенитет над т. н. «утраченными территориями» – землями, захваченными иностранцами в колониальный период. В 1997 г. Гонконг (Сянган), более полутора столетий бывший английским владением, а в 1999 г. бывшее португальское владение Макао (Аомынь) вернулись в состав Китая.

Таким образом, колониальная система, создаваемая Западом на протяжении четырех столетий, к концу XX в. прекратила своё существование. Главным ито-

гом деколонизации стало возникновение около 100 суверенных государств на бывшей колониальной периферии. Их совокупность стали называть *«третьим миром»* (под «первым миром» подразумевались индустриально развитые страны Запада, а ко «второму миру» относили социалистические страны). Однако произошедшие на рубеже 80–90-х гг. геополитические перемены кардинально изменили ситуацию в мире. Сохранился «первый мир», который стали называть по-разному – «Западом», «Севером», «Центром» или же «золотым миллиардом». «Второй мир» с крушением социалистической системы исчез. Изменились и сами освободившиеся страны. За годы независимого развития произошла их существенная дифференциация (по богатству, по избранной модели развития, по внешнеполитической ориентации и т. д.). Выделилась группа богатых нефтедобывающих государств (в основном – арабские страны Персидского залива и Аравийского полуострова), появилось сообщество «новых индустриальных стран», добившихся серьёзных успехов в модернизации экономики и социальной сферы (т. н. «азиатские тигры» и «драконы»), но одновременно определилась и значительная группа государств, постоянно нуждающихся во внешней гуманитарной помощи.

Особенно велик разрыв в доходах на душу населения среди арабских стран. Так, в 2010 г. в самой богатой стране арабского мира – Катаре он был в 242 раза выше, чем в самом бедном государстве этого же региона – Сомали. Многолетняя гражданская война полностью дестабилизировала здесь экономическую ситуацию, обрекла миллионы сомалийцев на нищенское существование. В результате голода 2011–2012 гг., вызванного засухой, в Сомали погибло около 260 тыс. человек (2,7 % всего населения страны), половина из них – дети младше пяти лет.

Поэтому определение «третий мир» утратило свой смысл, оно уже не соответствовало современным реалиям. В отношении этого массива стран сегодня употребляют такие понятия как «периферия», «Юг», «Восток» и др.

Молодые государства Азии и Африки, освободившиеся от колониальной зависимости, оказались перед альтернативой дальнейшего развития. Однако в условиях сформировавшегося биполярного мира и «холодной войны» выбор оказался невелик – по сути дела, он был представлен лишь двумя возможными вариантами: капиталистической моделью Запада и социалистической моделью советского образца. Большинство афро-азиатских стран сделало выбор в пользу капиталистической модернизации, ряд из них признал социалистическую ориентацию, а некоторые страны попытались искать «третий путь», который должен был пролечь между классическим капитализмом и социализмом (в его советской модификации).

В новой геополитической ситуации, сложившейся после окончания Второй мировой войны, к корректировке своих прежних моделей развития были вынуждены приступить и те страны Востока, которые уже обладали суверенитетом и опытом европеизации. Так, поражение в войне и обусловленный этим крах милитаристского режима привели к кардинальной смене прежней модели развития «флагмана» азиатской модернизации – Японии.

«Экономическое чудо» Японии. После своей капитуляции Япония была оккупирована войсками США. Характерной чертой установленного режима стало то, что в этой стране (в отличие от Германии) был в основном сохранён прежний

государственный аппарат, который выполнял распоряжения американских военных властей и являлся связующим звеном между ними и населением страны. Это позволило снизить неприязнь японцев к оккупантам и успешно воспринять новшества, введенные военной администрацией. Все мероприятия американцев осуществлялись через местные органы управления, что позволяло японцам в процессе усвоения чужого опыта определять разумное соотношение традиционного и современного, «переварить» реформы таким образом, что культурный фундамент их общества остался нетронутым. Именно поэтому американский оккупационный режим не прервал естественный процесс преемственности в развитии японской цивилизации.

Выполняя обязательства перед своими союзниками, американские оккупационные власти провели серию важных реформ, направленных на преобразование Японии в миролюбивое и демократическое государство. Были расформированы её вооружённые силы, ликвидированы шовинистические организации и тайная полиция, арестованы и преданы суду военные преступники. Американцы провели основательную «чистку» государственного аппарата, разрешили деятельность политических партий и профсоюзов, предоставили женщинам равные права с мужчинами.

Для того чтобы разрушить прежнюю общественно-политическую модель Японии, сформировавшуюся ещё в конце XIX в. в «эпоху Мэйдзи», и приведшую страну к агрессивной войне, США одним из первых своих декретов лишили синто статуса государственной религии. Более того, они заставили императора Хирохито публично отречься от своего божественного происхождения, организовав его выступление по национальному радио. Согласно новой японской конституции 1946 г., разработанной американцами, император становился «символом государства и единства народа», а его положение определялось волей народа. Конституция провозгласила демократические права и свободы, официально закрепила отказ Японии от войны, как средства решения внешнеполитических проблем и запретила ей иметь вооружённые силы. Эти действия оккупационных властей подтолкнули японцев к поиску новой модели своего развития, расчистили путь для политической модернизации общества.

Оккупационные власти ликвидировали *дзайбацу* – крупнейшие монополистические объединения Японии, замкнутые семейные концерны, которые играли ведущую роль в структуре японской экономики; провели аграрную реформу, упразднившую помещичье землевладение; реформировали систему образования, исключив отсюда националистическую и шовинистическую пропаганду. Американские специалисты оказывали помощь в восстановлении экономики страны и в налаживании современного управления хозяйственными процессами.

Преобразования, проведённые американской оккупационной администрацией, кардинально изменили облик страны, создали надёжную основу для дальнейшей модернизации экономики страны и сложившихся там общественных отношений. Именно они дали импульс формированию новой японской модели развития в последующий период. В связи с этим некоторые исследователи приравнивают американские послевоенные реформы в Японии по их глубине и масштабности к революции.

Вместе с тем, некоторые мероприятия американцев первых послевоенных лет были явно направлены на то, чтобы сдержать экономическое возрождение Японии, которая расценивалась как потенциальный конкурент США на Дальнем Востоке. Они даже вмешались в сферу сложившихся производственных отношений, восстановив на японских предприятиях систему пожизненного найма, сформировавшуюся ещё в довоенный период и законодательно оформленную в 1938–1939 гг. Принято считать, что это было сделано с целью воспрепятствовать Японии возродить свою индустриальную мощь. Дело в том, что американское правительство в 1946 г. направило в Японию группу своих экономических экспертов, которые детально ознакомились с ситуацией в промышленности и сделали однозначный вывод о том, что система пожизненного найма является историческим анахронизмом, нелепым в условиях индустриализирующегося общества и вредным с точки зрения динамичности производства. Руководствуясь их мнением, оккупационная администрация восстановила эту систему, но явно просчиталась: оказалось, что пожизненный найм не только не «сдержал» развитие японской промышленности, но, напротив, сыграл совершенно иную роль – явился одним из факторов, ускоривших промышленный подъём страны.

С 1955 г. начался период бурного экономического развития, который назвали японским «экономическим чудом». Он продолжался до 1973 г. и был обусловлен целым комплексом причин. Одной из них стало массовое обновление основного капитала японской промышленности. Во всех отраслях экономики устаревшее оборудование заменялось новым, самым передовым. При этом широко использовались производственный опыт и технические достижения других стран. Для этого японцы пошли по пути покупки лицензий и патентов на новые технологии, что давало им возможность экономить время и расходы на научные исследования. С 1950 по 1980 гг. с другими странами было заключено более 25 000 соглашений, позволивших «превратить чужие идеи в конкурентоспособные товары». Так, в 1955 г. в США был создан первый приёмник на транзисторах, и уже через несколько месяцев фирма «Сони», купившая лицензию на его производство, запустила в широкую продажу карманную версию.

Существенно расширился внутренний рынок страны. В результате проведённых аграрных преобразований значительно повысился спрос крестьян-собственников на сельскохозяйственную технику, удобрения, химикаты и т. д. Умело формировался потребительский спрос городского населения. В 50–60-е гг. активно пропагандировался набор из «трёх сокровищ» (телевизор, стиральная машина, холодильник), который стал для «среднего класса» символом престижа и материального благополучия. В погоне за этими «сокровищами» население страны своими накоплениями стимулировало развитие важнейших отраслей промышленности. Столь же удачно был составлен и второй набор для 70-х годов: цветной телевизор, кондиционер и автомобиль. Быстро расширявшийся внутренний рынок позволил создать сильную и конкурентоспособную электротехническую промышленность, мощное автомобилестроение.

На развитие промышленности Японии благотворно влиял также относительно низкий уровень военных расходов, обусловленный отсутствием крупных вооружённых сил. На протяжении длительного периода он не превышал 1 % валового национального продукта (ВНП). Несмотря на то, что по мере роста ВНП

военные расходы в абсолютном исчислении увеличивались, для японского бюджета они не были слишком обременительными.

Одним из определяющих факторов успешного экономического развития Японии являлось сохранение регулирующей роли государства в социально-экономической сфере. По своему характеру японская экономика является планово-рыночной, хотя и не имеет государственного сектора. Государство финансировало важнейшие отрасли экономики, научно-технические исследования, активно влияло на размещение производительных сил. Так, в 1973 г. был принят грандиозный по своим масштабам «План реконструкции японских островов», который предусматривал перевод целого ряда предприятий и производств в новые районы страны за счёт средств из госбюджета. Японское государство поставило под контроль и развитие сельского хозяйства, ориентируясь на создание крупных капиталистических хозяйств по типу американских ферм, что должно было стимулировать развитие производства. Таким образом, государство эффективно влияло на ход экономических процессов в стране.

Росту национальной науки и техники способствовал и высокий образовательный уровень населения. С 1950 по 1980 гг. количество вузов увеличилось более чем в 2,2 раза, численность преподавателей – в 5 раз, студентов – в 8 раз. В 80-е гг. Япония опередила развитые страны Запада по удельному весу молодых людей, имеющих высшее образование, что было связано с резким расширением государственного финансирования этой сферы. Благодаря подобной политике в области образования стали возможными научно-технические достижения, которые давали почти половину прироста ВВП.

И наконец, бурный экономический подъём был непосредственно связан с особенностями японского национального формировавшегося на протяжении столетий характера, позволяющего быть усердными тружениками и воздержанными потребителями. По данным статистики, средняя японская семья ежемесячно откладывала в виде сбережений около 20 % своего бюджета – в 3 раза больше, чем американская. Причём, в отличие от американцев, предпочитающих покупать акции, японцы держали свои сбережения в виде вкладов. Аккумуляированные в банках, они широко использовались для кредитования японской экономики. Официально поощряемые патернализм («отеческое» отношение к подчиненным) и пожизненный найм в крупных японских корпорациях давал возможность рабочим и служащим считать себя неотъемлемой частью «своих» предприятий. Этому же способствовали и характерные для японцев уходящие своими корнями в феодальное прошлое стойкие традиции общинного сознания.

Быстрый экономический рост во второй половине 50-х – начале 70-х гг. позволил Японии создать мощную промышленную структуру по типу развитых западных стран и превратиться в экономическую супердержаву.

Японская модель экономического развития получила международное признание. Этот опыт (либо его важнейшие элементы) успешно использовали в своем хозяйственном строительстве многие страны Восточной и Юго-Восточной Азии: Сингапур, Гонконг, Республика Корея, Тайвань, Малайзия, Таиланд, Филиппины, Индонезия. Ориентация на индустриально развитые государства Запада, рыночные реформы и открытая экономика дали им доступ к капиталам и передовым технологиям.

В 70–80-е г., перейдя по примеру Японии на создание экспортных отраслей обрабатывающей промышленности, эти страны добились стабильно высоких темпов экономического роста. Постепенно они создали потенциал для ускорения своего промышленного развития. Большую роль сыграло государственное регулирование экономики по аккумулярованию средств и распределения их на развитие наиболее важных и перспективных отраслей промышленности. Важнейшими факторами быстрого экономического роста перечисленных государств Юго-Восточной Азии стали также высокая социальная дисциплина и исключительное трудолюбие населения – качества, которые сформировались на основе нравственных и религиозных традиций, характерных для данного региона.

За относительно короткое время эти страны смогли создать современную экономику и добиться высоких социально-экономических показателей. Их стали называть «новыми индустриальными странами» (НИС). Избранная ими модель «догоняющего» развития получила название «стаи диких гусей» (где во главе «стаи» – Япония, а за ней следуют другие «гуси» – страны Юго-Восточной Азии). Дешёвая рабочая сила и использование наукоёмких технологий позволили НИС достичь впечатляющих экономических успехов. В результате регион Восточной и Юго-Восточной Азии превратился сегодня в один из важнейших центров мирового хозяйства, способный участвовать в глобальной экономике на паритетных началах с ведущими странами Запада.

Характерной особенностью данного региона было то, что инициаторами, организаторами и гарантами модернизации зачастую выступали авторитарные режимы. Опыт Республики Корея, Тайваня и целого ряда государств Юго-Восточной Азии убедительно свидетельствует, что подобные режимы в странах с переходной экономикой могут сыграть положительную роль в ускорении темпов экономического развития. Это проявилось прежде всего в их способности мобилизовать все национальных ресурсов (иногда методами, не приемлемыми для стран с либеральной демократией) во имя развития приоритетных отраслей промышленности, в первую очередь тех, которые работают на экспорт и приносят валюту. Но, как известно, история знает и множество негативных примеров, когда авторитаризм приводил к разграблению национального достояния и как следствие – к фактической деградации национальной экономики (в этой связи можно сослаться на печальный опыт целого ряда государств Африки и Латинской Америки).

Таким образом, если раньше понятие «модернизация» фактически отождествлялось с понятием «европеизация/вестернизация» (т. е. следование европейским/западным образцам), то сегодня в неевропейском мире появились и прошли испытание временем новые «образцы для подражания», которые в определённой мере учитывают местную цивилизационную специфику и пытаются гармонично сочетать современное и традиционное.

Китай: в поисках модели развития. Путь Китая к его нынешней социально-экономической модели оказался долгим и извилистым. В 1949 г., после завершения гражданской войны, к власти пришли коммунисты во главе с Мао Цзэдуном, провозгласившие Китайскую Народную Республику. Первоначально новое руководство страны ориентировалось на реализацию т. н. «*новодемократической*» модели, которая предполагала привлечение к созидательной деятельности

всех здоровых сил общества, не замыкаясь в жёстких рамках «диктатуры пролетариата», как того требовала ортодоксальная марксистская традиция. Социальное переустройство общества предполагалось осуществлять мирным путём, отличным от советских методов. Были проведены масштабные демократические преобразования, среди которых важнейшее значение имела аграрная реформа, ликвидировавшая помещичье землевладение и давшая крестьянам землю.

Однако уже в 1953 г. руководство Китайской коммунистической партии (КПК) провозгласило курс на строительство социализма. В качестве образца была взята советская модель с плановой экономикой. Первоначально предполагалось осуществлять преобразования постепенно, на протяжении длительного периода. Однако в скором времени эти планы были пересмотрены, поскольку промышленное производство Китая развивалось очень быстрыми темпами, что позволило значительно перевыполнить намеченные задания. И это вселило в радикалов в китайском руководстве иллюзию возможного существенного ускорения экономического развития страны.

В 1958 г. произошёл новый кардинальный поворот в политике КПК. Мао Цзэдун и его сторонники отказались от планомерного развития экономики, которое, по их мнению, не обеспечивало быстрого превращения Китая в могучую державу. Для достижения этой цели был утвержден курс «большого скачка». Отсутствие необходимого экономического потенциала не смущало китайских радикалов. Они намеревались компенсировать его колоссальными людскими ресурсами, военизированным бытом населения, казарменной дисциплиной и сверхинтенсивным трудом. Был выдвинут лозунг «Три года упорного труда – десять тысяч лет счастья», под которым вся страна была втянута в грандиозный по своим масштабам социально-экономический эксперимент. Однако попытка преодолеть экономическую отсталость внеэкономическими средствами провалилась: огромные трудовые и материальные ресурсы оказались израсходованными впустую, что обернулось настоящей трагедией для китайского народа.

Новый зигзаг обозначился в политике КНР в 1966 г., с началом «Великой пролетарской культурной революции» 1966–1976 гг., когда страна, по сути дела, погрузилась в пучину тоталитаризма – перешла к «казарменному коммунизму», социально-экономическим смыслом которого стала «политика железной миски риса» (т. е. поддержание жизненного уровня народа в пределах физического выживания), а государство приобрело полную и безраздельную власть над личностью. Существенно изменилось отношение властей к национальным традициям, истории и культуре. Были прекращены все археологические раскопки, населению предписывалось уничтожать предметы старины – для властей они были не более чем «феодальными реликвиями». Жестоким гонениям подверглось и традиционное для Китая конфуцианство, объявленное властями «символом феодального прошлого». Мао Цзэдун претендовал на то, чтобы определяющей стала идеология, созданная им самим. Поэтому в массы был брошен призыв: «Бить Конфуция, как крысу, перебегающую улицу», – а в стране развернулась общенациональная кампания по изучению древнекитайской философии легистов, откровенно враждебной конфуцианству. Она вполне соответствовала создаваемой Мао общественно-политической системе, поскольку политическим идеалом для легистов была «страна, где народ боится государственных законов и послушен

в войне» (Шан Ян, IV в. до н. э.). «Культурная революция» стала кровавым десятилетием в истории Китая, унесшим жизни многих людей.

В 1976 г., после смерти Мао Цзэдуна, новому руководству страны удалось круто изменить курс и добиться бескомпромиссного осуждения «культурной революции», которую расценили как «чудовищное бедствие». Однако оценка деятельности Мао была более сдержанной. В современном Китае его правление понимается в соответствии с формулой «отделять три от семи»: 3/10 в его действиях признаются «негативными», а 7/10 – «позитивными». Эту формулу, кстати, сам Мао Цзэдун, в противовес Н. С. Хрущёву, в своё время предлагал использовать в отношении личности И. В. Сталина.

Другими словами, новые лидеры Китая отказались от политики Мао Цзэдуна, но попытались сохранить репутацию своего прежнего лидера. Китайское общество избежало моральных потрясений, связанных с переоценкой собственной истории. Однако, формально сохраняя верность идеям Мао, новое руководство пошло по пути деидеологизации своей политики. Отныне на передний план выдвигались лишь патриотические цели строительства могучего и процветающего Китая. В истории страны начался качественно новый этап – этап широкомасштабной экономической реформы, которая направлена на построение «социализма с китайской спецификой». Творцом этой доктрины, её архитектором был Дэн Сяопин, который на протяжении почти двух десятилетий после смерти Мао оставался общепризнанным лидером нации, хотя и не занимал ключевых постов в государстве.

Экономическая реформа в Китае стартовала в конце 70-х годов, когда было решено прекратить политические кампании и сосредоточиться на экономических проблемах. Это позволило приступить к глубоким экономическим преобразованиям. Реформа началась в аграрном секторе. Сельским жителям земля была предоставлена в аренду. Крестьянам разрешили развивать подсобный промысел и продавать излишки продуктов на рынках. Раскрепощение крестьянского труда быстро принесло свои плоды – уже к 1983 г. продукция сельского хозяйства возросла почти в 2 раза. А это позволило решить остро стоявшую в ту пору продовольственную проблему: китайцы стали больше и разнообразнее питаться. Одновременно с реформой сельского хозяйства был разрешён малый бизнес. В торговле, общественном питании и сфере услуг возникли многочисленные мелкие и средние частные предприятия, которые наполнили потребительский рынок страны товарами, приемлемыми и по цене, и по качеству. Происходивший рост реальных доходов населения обеспечил курсу реформ широкую общественную поддержку.

Вслед за успехами деревни начались преобразования и в промышленности: расширялась хозяйственная самостоятельность предприятий, сократилась сфера директивного планирования, существенному реформированию подверглась система цен и заработной платы, активно внедрялись достижения научно-технического прогресса, были официально признаны различные формы собственности, что положило начало процессу разгосударствления китайской экономики. Но способствуя развитию частного бизнеса, правительство всё-таки отдавало приоритет общественным формам собственности. В этой связи примечательно, что массированная приватизация госсобственности в Китае фактически не проводилась.

В эти годы в стране велись острые дискуссии между реформаторами, выступавшими за углубление преобразований, и консерваторами, опасавшимися, что дальнейшее внедрение элементов рыночных отношений может «столкнуть» страну на путь капитализма. На метафорическом уровне, характерном для китайской интеллектуальной традиции, эта дискуссия сводилась к противопоставлению двух тезисов: «Неважно, какого цвета кошка, лишь бы ловила мышей» (Дэн Сяопин) и «Пусть птичка [экономика] летает, но всё-таки в клетке [государственный контроль]» (консерваторы). В конечном счёте, китайское руководство пришло к выводу, что рыночные отношения не противоречат принципам социализма.

Характерной чертой китайской реформы, существенно отличающей её от подобных преобразований в посткоммунистических странах Восточной Европы, является эволюционный характер, а также отказ от использования рекомендаций Международного валютного фонда (МВФ) и методов «шоковой терапии». Проводя широкомасштабные преобразования, китайцы опираются на собственные национально-культурные традиции и декларируют принцип – «западная техника, восточная нравственность».

Другой специфической особенностью проводимых в КНР преобразований является сохранение в неприкосновенности прежней политической системы во главе с КПК, которая обладает монопольным правом на власть. Политические преобразования были отложены на неопределенный срок, а сторонники немедленных перемен жестоко подавлялись. Партийно-государственная власть жёстко контролировала все переходные процессы в стране, обеспечивала политическую стабильность в обществе, необходимую для дальнейшего продолжения реформ. Государство решительно борется с коррупцией: с 2000 по 2010 гг., согласно официальным данным, в Китае были казнены около 10 тыс. чиновников разных рангов (в том числе самых высоких), ещё 120 тысяч получили по 10–20 лет тюремного заключения.

Ещё одним важнейшим элементом китайской реформы является т. н. политика «открытости», которая проводится с самого начала преобразований. Она предусматривает всемерное расширение связей с зарубежными государствами, активное привлечение иностранного капитала в экономику страны. С этой целью в приморских провинциях были созданы особые экономические зоны с благоприятными условиями для иностранных инвесторов. Со временем практически всё побережье КНР превратилось в «открытый прибрежный пояс» – своеобразный комплекс по производству экспортной продукции и источник получения валюты и новых технологий. В результате такой политики Китай вышел на второе место в мире (после США) по объёму иностранных инвестиций. Всё это давало возможность, по выражению китайцев, «строить социализм своими руками, но чужими деньгами».

Реформа значительно ускорила темпы экономического роста Китая. Повысились доходы и жизненный уровень значительной части населения. Значительно сократилось число малообеспеченных. Если в начале заветной мечтой для большинства были «три сокровища» – наручные часы, велосипед и швейная машина, то уже в 90-е гг. интересы потребителей переместились на цветные телевизоры, кондиционеры, видеотехнику и компьютеры.

Вместе с тем, проводимые преобразования породили и ряд проблем. Политика открытости, при всей её несомненной экономической эффективности, привела к усилению влияния иностранного капитала в экономике Китая. Обострилась проблема занятости. Сохраняется существенная разница в жизненном уровне городского и сельского населения; возник большой разрыв в уровнях доходов населения, занятого в современном секторе экономики и жителей китайской «глубинки».

Характерно, что в 80-е гг. с официального одобрения властей началась «реабилитация» Конфуция. По мнению представителей высшей политической элиты страны, конфуцианство может стать гарантом успеха проводимых экономических реформ и политики «открытости». При этом особое внимание уделяется гуманизму конфуцианства, его принципу «бойся не бедности, а неравенства». Предполагается, что в условиях рынка он может сыграть положительную роль, ограничивая имущественное расслоение. Но подобную доктрину не все исследователи оценивают однозначно, рассматривая «конфуцианский ренессанс» в современном Китае как попытку противопоставить традиционные ценности азиатского менталитета западной духовной экспансии, «создать культурный заслон вокруг стран Восточной Азии, чтобы противостоять декадансу Запада».

Подобные же широкомасштабные преобразования проводит Вьетнам. Началом им было положено в 1986 г., когда руководство страны, признав ошибочность курса на ускоренную индустриализацию и всеобщее обобществление в экономической сфере, провозгласило курс «дой мой» («обновление»), который предполагал кардинальное реформирование вьетнамской экономики. Экономическая реформа во Вьетнаме по духу похожа на китайский аналог: преобразования проводятся в условиях сохранения социалистической государственной власти, однопартийной системы; коммунистическая партия Вьетнама руководит всеми социально-экономическими процессами. Достаточно быстро удалось добиться существенных результатов: рынок наполнился товарами, темпы развития страны стали быстро расти.

Как и в Китае, некоторые слои населения пытались сочетать движение по пути реформ с требованиями политической либерализации. Но вьетнамское руководство осталось твёрдым как в убеждениях, так и в стремлении крепко держать власть в своих руках. Курс на социалистическое развитие продолжает декларироваться, хотя в реальности Вьетнам, как и Китай, уже с рубежа 80-х – 90-х гг. уверенно вступил на путь рыночных отношений.

«Третий путь» Индии. Независимой Индии досталось тяжёлое наследие, порожденное её колониальным прошлым. В результате раздела страны и образования нового государства Пакистан, где преобладало мусульманское население, были нарушены старые хозяйственные связи, обострились межконфессиональные и межнациональные отношения. Промышленность находилась в упадке. Сельское хозяйство велось примитивным способом, а урожайность была одной из самых низких в мире. Вследствие этого миллионы индийцев голодали. Ситуация усугублялась раздроблением общества на множество наций, народностей, конфессий и каст.

Лидер независимой Индии Дж. Неру считал, что для сохранения целостности многонациональной страны нужна «общенациональная идея» – новая програм-

ма развития страны, способная объединить всех индийцев и обеспечить национальное согласие и политическую стабильность. Обращаясь к опыту зарубежных стран, Неру полагал, что для Индии одинаково неприемлемы ни капиталистическая система Запада, с её социальным неравенством и эксплуатацией человека человеком, ни социализм СССР, где государство безраздельно господствовало над личностью. В конечном счёте, было решено избрать «третий путь».

В 1955 г. правительство провозгласило своей целью построение в Индии «общества социалистического образца». По замыслу Неру оно должно было вобрать в себя всё лучшее из собственного прошлого и современного мирового опыта, включая и классический капитализм, и советскую модель социализма. Но при этом решительно отвергались классовая борьба, культ силы, подавление свободы личности, диктатура одного класса над другим. «Индийский социализм» предполагалось создавать исключительно мирными и законными средствами. Для этого была разработана соответствующая государственная политика, которая получила название «курс Неру» – по имени её автора и вдохновителя.

Внутренняя политика Неру преследовала несколько важнейших целей, в частности, сохранение территориального единства страны, превращение Индии в великое современное государство, обеспечение прав и интересов всех её граждан, независимо от религии и происхождения. В области экономики «курс Неру» предполагал создание государственного сектора, первоочередное развитие базовых отраслей промышленности (прежде всего – тяжёлой индустрии и энергетики), государственное регулирование экономики и одновременно – поддержку национального предпринимательства, защиту его от иностранной конкуренции. Таким образом, экономическая политика Неру была направлена на ускоренную индустриализацию страны и создание многоукладной экономики, где бы государственный и частный секторы не конкурировали, а взаимно дополняли друг друга.

Первым серьёзным преобразованием нового правительства стала аграрная реформа, ликвидировавшая влиятельную прослойку землевладельцев-посредников. Их земля была выкуплена государством и передана крестьянам. В результате их значительная часть превратилась из арендаторов в мелких землевладельцев. Параллельно, при поддержке государства, развивалась крестьянская кооперация. Аграрные преобразования дали зримые результаты: с 1951 по 1961 гг. производство зерна возросло на 60 % (правда, за этот же период население страны увеличилось на 22 % – на 80 млн. человек, что существенно снизило экономические достижения). Реформирование сельского хозяйства продолжалось и в последующие годы.

Сложной и болезненной проблемой, вставшей перед правительством Неру, явились национальные отношения. Для их урегулирования правительство отказалось от прежнего административного деления страны, введённого ещё колонизаторами. В 1956 г. Парламент принял закон о реорганизации штатов по «лингвистическому» (языковому) принципу. Их новые административные границы были проведены с учётом этнического состава населения.

Достаточно сложно решалась проблема государственного языка. Была предпринята попытка заменить английский язык, который использовался ещё с колониальных времен в качестве государственного, языком хинди (на хинди разгова-

ривает около 40 % индийского населения). Но это вызвало резкое недовольство южных штатов, где в ходу были иные языки. Поэтому было решено сохранить за английским языком статус официального. Такой же статус был предоставлен и 18 основным региональным языкам. Все они используются в государственном делопроизводстве современной Индии.

Стремление следовать «третьим путем» нашло своё воплощение и во внешней политике Неру, которая исходила из национальных интересов и была направлена на укрепление суверенитета Индии, содействие международному миру и безопасности. Индийский лидер провозгласил принцип «быть в дружбе со всеми» и не позволил американцам втянуть свою страну в «холодную войну» на стороне Запада. Индия, сохраняя независимый внешнеполитический курс, развивала экономические связи, как с западными странами, так и с государствами советского блока. Характерной особенностью внешнего «курса Неру» было участие страны в военно-политических блоках. Индия явилась одним из инициаторов «движения неприсоединения», ставшего влиятельной политической силой на международной арене.

Это, однако, не лишало Индию возможности активно защищать свои интересы, даже с использованием военной силы. Такая политика получила название «позитивный нейтралитет». Неру сумел ликвидировать остатки колониальных владений на Индостане. В 1956 г., по согласованию с правительством Франции, к основной территории страны были присоединены индийские земли, захваченные французами ещё в колониальный период. Португалия же, имевшая небольшие колонии в Индии (Гоа и др.), отказалась добровольно вернуть их под контроль индийского правительства. Тогда в 1961 г. Неру ввёл туда войска, которые заставили португальскую армию капитулировать. В составе Индии возвращённые земли приобрели статус «союзных территорий».

Учитывая реалии изменившегося мира, в первую очередь крах социализма в СССР и странах Восточной Европы на рубеже 80–90-х гг., индийское руководство отказалось от курса на построение «общества социалистического образца». Несмотря на несомненные успехи, достигнутые независимой Индией в области хозяйственного строительства, стало ясно, что сложившаяся рыночно-командная система исчерпала свои возможности. Страна отставала от остального мира, её экономическое развитие происходило в основном за счёт современного сектора.

Поэтому с 1991 г. правительство приступило к осуществлению экономических реформ, направленных на либерализацию экономики. Был ослаблен государственный контроль над частным бизнесом, снижены налоги, осуществлена либерализация торговли, проведена приватизация некоторых государственных предприятий. Это привлекло иностранные капиталовложения и способствовало оздоровлению финансовой ситуации в стране. Заметно возросли темпы роста индийской экономики. Происходящие изменения свидетельствовали об отказе индийского руководства от модели «третьего пути» в пользу либерально-рыночного типа развития.

Несмотря на зримые успехи, достигнутые Индией в своем развитии в последние годы, она остается «страной контрастов»: новейшие достижения мировой науки и техники (в т. ч. атомная и космическая промышленность) соседствуют там с экономической отсталостью. В частности, по числу специалистов с высшим

образованием она занимает одно из ведущих мест в мире, но грамотность в стране едва превышает 50 %.

Основными социально-экономическими проблемами современной Индии являются перенаселённость и низкий жизненный уровень. В течение XX в. плотность населения возросла в 3,5 раза. Но основная часть индийцев не участвует в современном производстве и поэтому не пользуется его преимуществами. Относительная социальная стабильность во многом сохраняется благодаря кастовой системе, традиции которой необычайно живучи. Большинство населения принадлежит к низшим кастам, поэтому воспринимает существующее неравенство как социальную норму и не претендует на перераспределение материальных благ.

Поиском «третьего пути» занимались и другие страны Востока. В разное время свой путь развития искали Египет (времен Г. Насера), Индонезия (при Сукарно), Ирак (эпохи С. Хусейна), Ливия (при М. Каддафи) и целый ряд других стран Азии и Африки. Однако, как показывает современный опыт, концепция «третьего пути» не выдержала испытания временем. Сегодня наблюдается отход от этой модели в сторону либерально-рыночного варианта развития западного образца.

Иран: от «белой революции» к революции исламской. Несмотря на то, что Иран имел определённый опыт модернизации, обусловленный реформами шахского правительства в 20–30-е гг, после Второй мировой войны он продолжал оставаться отсталой аграрной страной со слаборазвитой промышленностью и с пережитками феодализма в сельском хозяйстве. Во второй половине 50-х гг. шах М. Реза Пехлеви, укрепивший свою личную власть и получивший дополнительные доходы от продажи нефти, взял курс на превращение Ирана в ведущую региональную державу. Однако этому мешал низкий экономический уровень страны. На рубеже 50–60-х гг. национальный доход на душу населения едва достигал \$ 130 (был почти в 3 раза ниже, чем в соседней Турции), средняя продолжительность жизни составляла 27 лет, 85 % населения было неграмотным, импорт Ирана в 5 раз превышал его экспорт.

Старт реформам был дан в 1963 г., когда всеобщий референдум одобрил предложенную правительством программу преобразований, направленных на модернизацию страны и ускорение её развития. Эти преобразования, проводившиеся по инициативе шаха в 60–70-е гг. XX в., вошли в историю под названием «белая революция» (или «революция шаха и народа»). В результате удалось достичь серьёзных успехов, как в экономической, так и в социальной жизни страны. В ходе аграрной реформы были ликвидированы феодальные отношения в деревне, ограничено помещичье землевладение; около 2,5 млн крестьянских хозяйств получили землю. В результате осуществления курса на ускоренное промышленное развитие к началу 70-х гг. Иран превратился в индустриально-аграрное государство. Появились и быстро развивались новые отрасли экономики: автомобилестроение, нефтехимия, радиотехника, машиностроение и др. Были построены самые современные и привлекательные для иностранных инвесторов предприятия. Удалось создать эффективную банковскую систему. Увеличились золотовалютные резервы страны. Приток «нефтедолларов», резко возросший после скачка цен на нефть в 1973 г., позволил Ирану модернизировать вооружённые силы и приступить к осуществлению собственных ядерных программ. Окрепили международные позиции страны; Иран начал претендовать на гегемонию в зоне

Персидского залива. Больших успехов удалось добиться в социальной сфере. За 10–15 лет, т. е. фактически на глазах одного поколения, доходы на душу населения возросли в 10 раз (до \$1300. в 1970 г.), вдвое увеличилась средняя продолжительность жизни (до 55 лет), доля грамотных в населении страны возросла почти до 40 %. Женщины были уравнены в правах с мужчинами и получили избирательное право.

Однако успешная экономическая модернизация страны не сопровождалась либерализацией политической жизни. Политическая власть в Иране всё более приобретала черты личной диктатуры шаха. Располагая большими финансовыми средствами и мощным репрессивным аппаратом, шах он стал полностью игнорировать оппозиционные силы. Между тем, темпы модернизации в эпоху «белой революции» оказались слишком быстрыми, реформы недостаточно учитывали национально-религиозную специфику страны. Вследствие этого в недрах иранского общества вызревал протест, но особое раздражение традиционалистских кругов вызывало усиливавшееся влияние Запада, проявлявшееся, в частности, в «вестернизации» повседневной жизни иранских городов.

Оппозиционное движение возглавило мусульманское духовенство, признанным лидером которого стал аятолла Хомейни. Начало антишахской революции положили события в г. Кум, где в январе 1978 г. правительственные войска расстреляли демонстрацию. Несмотря на ряд предпринятых шахом политических комбинаций, фронт борьбы расширился. К антиправительственному движению примкнули широкие слои иранского общества, в том числе и наиболее образованная его часть – студенчество. Хомейни призвал народ к ликвидации монархии и созданию исламской республики. В феврале 1979 г. в Тегеране началось вооружённое восстание, вскоре охватившее и другие города страны. Его победа ознаменовала крушение шахского режима. К власти пришло шиитское духовенство, опиравшееся на исламские революционные комитеты и революционные трибуналы, созданные по всей стране. Надежной опорой духовенства стали также собственные вооружённые силы – Корпус стражей исламской революции.

1 апреля 1979 г. Иран был объявлен Исламской республикой. Конституция, утверждённая на всенародном референдуме, официально закрепила теократический характер нового государства. Его главой – носителем религиозной и светской власти становился рахбар (высший руководитель), которым при жизни был объявлен Хомейни. Конституционные полномочия рахбара обширны: именно он определяет генеральную линию в политике страны и осуществляет контроль за её проведением. В соответствии с конституцией был учрежден Наблюдательный совет (половина из 12 его членов являются богословами, назначаемыми рахбаром). Он должен следить за тем, чтобы принимаемые законы соответствовали нормам ислама и Основного закона страны. Принципы ислама и нормы шариата, по конституции, стали основой правовой деятельности. Был введён пост Президента как второго лица в государстве после рахбара. Высшим законодательным органом стал однопалатный Парламент – меджлис. Президент и меджлис избираются на основе прямых, тайных и всеобщих выборов.

Итак, в конце 70-х гг. Иран пережил кардинальную смену стратегии развития: «прозападная» светская модель, сформировавшаяся в годы «белой революции», была отвергнута, а пришедший к власти теократический режим приступил к ре-

ализации исламской модели развития. Таким образом, на традиционном Востоке возник новый альтернативный проект модернизации – исламский. Он ориентировался на согласование модернизации с традициями. В 70–80-е гг. под знаменами традиционалистской исламской модернизации оказались Иран, а также Пакистан и Судан. В дальнейшем исламистская волна прокатилась по Ближнему и Среднему Востоку, Северной Африке, Центральной и Юго-Восточной Азии.

Цивилизации Востока в условиях глобализации. С конца 80-х гг. процесс глобализации, под которой подразумевают нарастающую взаимозависимость мира – экономическую, социально-культурную и политическую, ещё более активизировался. С распадом СССР и крушением мировой системы социализма ушла в прошлое и порождённая Второй мировой войной биполярная система международных отношений. Наступил период доминирования США, которым удалось оттеснить в мировой политике все другие государства, инициировав формирование миропорядка, который базировался бы на приемлемых для них ценностях рыночной экономики, либеральной демократии западного образца и доктрине прав человека как важного элемента международного права.

Объективно процесс глобализации должен был способствовать «унификации» мира, «сближению» Запада и Востока. Однако современное развитие стран Азии и Африки показывает, что проблемы, обусловленные этим процессом, оказались гораздо сложнее, чем представлялось ранее. Вопреки прогнозам, многие страны, избавившиеся от колониальной зависимости, не только не догоняют развитые государства, но ещё больше от них отстают. Более того, сегодня многое свидетельствует о том, что Восток не только не приближается к Западу, но ещё дальше отдаляется от него. Судя по всему, традиционные общества противятся глобализации, поскольку она сопровождается вестернизацией, чреватой их «обезличиванием», утратой социокультурной идентичности. Поэтому, столкнувшись с современными вызовами Запада, Восток нередко ищет выход в возвращении к собственным традиционным ценностям.

Своеобразной реакцией восточных обществ на вызовы глобализации является подъём *религиозного фундаментализма* (движения за возрождение веры, возвращение к её истокам). Его приверженцы требуют изменения места и роли религии в жизни общества. Фундаментализм сегодня – явление интернациональное, характерное для разных цивилизационных зон Востока. Рост фундаментализма (индуистского, мусульманского, иудейского, буддийского) происходит повсюду. Это связано с новыми тенденциями в жизни людей: необычайным её усложнением, ускорением всех процессов, колоссальным возрастанием информации и т. д., что ставит человека как биологическое существо в тяжелейшее положение – он оказался не готов к быстрой адаптации к новым условиям (С. Лунёв). В результате он подсознательно стремится к изоляции от чужеродных элементов и единению с духовно близкими. Религия же в наибольшей степени отражает ментальную сплочённость этносов, национальностей, стран и регионов.

В многоконфессиональных государствах угроза фундаментализма состоит в том, что он направлен на подавление иных конфессий. Так, всплеск индуистского фундаментализма наблюдается в современной Индии, что порой приводит к жестоким межконфессиональным столкновениям (свидетельство тому – «Гуджаратский погром» 2002 г., жертвами которого стали около 1 000 мусульман).

В Мьянме (Бирме) с весны 2012 г. начались этнические погромы, которые возглавляют буддийские монахи: они выжидают из страны мусульманский народ рохинджа. В течение года уже 125 тыс. его представителей (из 800 тыс., проживающих в стране) были вынуждены покинуть свои дома. Радикально настроенные группы буддистов провоцируют нападения на мусульман в Шри-Ланке. Фундаменталисты-салафиты в Египте под лозунгом «очистить страну от неверных» развернули преследование христиан- коптов. В Нигерии радикальные исламисты из секты «Боко харам», выступающей за введение шариатского правления и против западных ценностей, разрушают христианские церкви, устраивают нападения на христиан и последователей африканских культов, проживающих на преимущественно мусульманском севере страны.

Исламский фундаментализм стал важнейшей составной частью социально-политической жизни мусульманских стран. В своей борьбе за установление теократического режима он использует демократические «правила игры», которые обеспечиваются существующими институтами западного образца: конституцией, парламентской системой, многопартийностью, свободными выборами и т. д. Сегодня, пользуясь этими институтами, на вполне легитимной основе к власти нередко приходят представители антизападных фундаменталистских кругов. Геополитическую ситуацию на Ближнем Востоке «переформатировала» т. н. «арабская политическая весна» 2011 г., которая привела к свержению авторитарных светских режимов в Тунисе, Египте, Ливии и усилению позиций исламистов в регионе. Анализируя нынешнюю ситуацию, специалисты полагают, что арабским странам (если не всем, то большинству) придётся пройти через исторический этап исламских режимов разной степени жёсткости.

Своего рода реакцией на глобализацию является регионализация, набирающая темпы в различных цивилизационных зонах современного Востока.

Регионализация на Востоке. Региональная интеграция – важная особенность развития современных международных отношений. В мире практически не осталось государств, которые не были бы членами одной или нескольких региональных группировок.

Начало регионализации на Востоке было положено в 1945 г., когда в Каире была создана Лига арабских государств. В дальнейшем, в 60-е гг., происходила политизация ислама, особенно усилившаяся после поражения арабов в войне с Израилем в 1967 г. После этого поражения роль религии в формировании общественного сознания исламского мира возросла, поскольку многие мусульмане связывали неудачи арабских стран с отходом их светских правительств от традиционных норм ислама. Залог восстановления былого величия не только арабского, но и всего мусульманского мира они видели в возвращении к традиционным исламским ценностям.

Начиная с 60-х гг., лидеры исламского мира приступили к строительству своей собственной системы международных отношений, альтернативной западной. Многого в этом направлении уже удалось добиться. Так, в 1969 г. была создана *Организация Исламской солидарности* (до 2011 г. – Организация Исламская конференция), которая стала ведущей международной организацией мусульманского мира. Сегодня в её состав входит 57 государств с населением около 1,5 млрд человек, она явно претендует на роль «исламского аналога» ООН. В 1997 г. по

инициативе Турции была создана «Исламская Восьмерка» (Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Малайзия, Нигерия, Пакистан и Турция), что Запад расценил как вызов «Большой Восьмерке» индустриально развитых стран.

Существует и ряд других международных мусульманских организаций, аналогичных международным организациям глобального масштаба: «Исламский банк развития» (ИБР), «Исламская организация по вопросам образования, науки и культуры» (ИСЕСКО), «Исламская комиссия Международного Полумесяца» и др. В мусульманском мире разработаны и собственные международные документы, в частности, «Исламская декларация прав человека», «Договор о борьбе с терроризмом», основанный на нормах шариата.

Создание подобных интеграционных структур свидетельствует о том, что мусульмане, стремясь к сплочению, пытаются вести диалог с Западом на равных. Кроме того, мусульманская интеграция сглаживает процесс глобализации в отношении исламского мира, помогает этим странам сохранить свою национально-культурную самобытность, избежать безудержной вестернизации, чреватой «цивилизационным обезличиванием».

Однако сегодня в мусульманском мире наблюдается противоборство двух основных тенденций – с одной стороны, тенденция к консолидации мусульманских государств и их обособлению в мировой политике и экономике, с другой – внутренняя дифференциация исламского региона на идейной, политической, экономической и социальной основе. Вследствие подобной разобщённости страны исламского мира лишены возможности руководствоваться общими приоритетами, стратегией и идеологией в деле консолидации. Многие государства, где ислам играет важную (даже доминирующую) роль в общественно-политической жизни, прочно интегрированы в мировое хозяйство, связаны с Западом системой военно-политических соглашений. Например, Турция является членом НАТО, Бахрейн служит для США важнейшим опорным пунктом в Персидском заливе (там находится крупная база американского военного флота) и т. д. Кроме того, некоторые страны для укрепления своего влияния на мусульманском Востоке пытаются выстраивать собственные, субрегиональные, интеграционные структуры.

Так, в 1981 г. по инициативе Саудовской Аравии была создана закрытая международная региональная организация – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), членами которого стали 6 монархий Аравийского полуострова, специализирующихся на нефтедобыче. В настоящее время планируется расширение состава ССАГПЗ за счёт вовлечения в него Иордании, Марокко, а также Египта – самой населенной страны арабского мира. Сегодня на Ближнем Востоке звучат призывы к созданию единого образования – Арабского союза, который уже называли «возрождённым халифатом».

Подобные действия встречают сдержанное отношение со стороны других влиятельных мусульманских государств, которые имеют собственные взгляды на перспективы интеграции. Так, с начала 90-х гг. активизировала свою деятельность «Организация экономического сотрудничества» (ОЭС), включающая Турцию, Иран, Пакистан, а также Афганистан и 6 постсоветских государств с преимущественно мусульманским населением (Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан). Такая разобщённость в идеологии и стратегии консолидации, которая проявляется в действиях некоторых стран,

сужает поле взаимных интересов внутри мусульманского мира и, соответственно, существенно сокращает возможности для взаимодействия государств этой цивилизационной зоны.

На современном Востоке существуют и другие региональные межгосударственные объединения. Процесс регионализации затронул Южную Азию. Так, в 1985 г. была создана «Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии» (СААРК). Сегодня это самая крупная по численности населения региональная организация, участниками которой являются 8 стран (Бангладеш, Бутан, Мальдивы, Непал, Пакистан, Индия и Шри-Ланка, а с 2007 г. – и Афганистан) с населением около 1,5 млрд человек.

Но наиболее заметных успехов в своей интеграции добились страны Юго-Восточной Азии. Как известно, в цивилизационном отношении это достаточно «пёстрый» регион: большинство государств находятся в сфере влияния индо-буддийской и китайско-конфуцианской традиций, в 3 странах (Бруней, Индонезия, Малайзия) преобладает ислам, а в 2 (Восточный Тимор и Филиппины) – абсолютное большинство населения исповедует христианство. Эпоха колониализма и «холодная война», фронт которой проходил по Юго-Восточной Азии, ослабили связи между странами региона. И, тем не менее, именно здесь интеграция протекает наиболее динамично.

Начало интеграционным процессам в этом регионе было положено в 1967 г. с созданием «Ассоциации стран Юго-Восточной Азии» (АСЕАН). Первоначально её участники основное внимание уделяли развитию военно-политического сотрудничества с целью сдерживания «красной угрозы», исходившей от Китая и Северного Вьетнама. Однако в дальнейшем, по мере нормализации международной обстановки, на первый план вышли проблемы, связанные с развитием и углублением экономического сотрудничества между членами Ассоциации. За десятилетия своего существования АСЕАН превратилась во влиятельный полюс мировой экономики и политики. Сегодня она декларирует лозунг «Единство в многообразии» и объединяет 10 государств с населением около 600 млн. человек. Для координации своей деятельности и согласования общей стратегии развития страны-члены АСЕАН проводят ежегодные встречи на высшем уровне. Со времени азиатского валютно-финансового кризиса 1997–1998 гг. такие встречи стали проводиться в формате «АСЕАН+3»: наряду с членами Ассоциации в них участвуют Япония, Китай и Южная Корея. В настоящее время началась реализация грандиозного проекта по созданию «Восточно-Азиатского сообщества», которое будет включать зону свободной торговли, охватывающую всю Восточную и Юго-Восточную Азию, и «Азиатский валютный фонд».

Одним из важнейших факторов, который «цементирует» Юго-Восточную Азию, являются *хуацяо* – этнические китайцы, проживающие в этом регионе. Влияние китайской общины в мире велико, но именно здесь она проявляет себя наиболее активно, составляя более 30 млн человек, 28 % которых составляет китайское население Малайзии, 14 % – Таиланда, 3,2 % – Индонезии, 1,2 % – Филиппин и т. д. В целом этнические китайцы составляют около 6% общего населения Юго-Восточной Азии, но при этом контролируют 70 % накопленного богатства в этом регионе. Китайские эмигранты создали в Азии гигантские финансовые империи, их суммарные капиталы оцениваются от \$ 1,5 до \$ 2 трлн. Зачастую

именно они являются носителями модернизационного потенциала, инициируют экономическое и технологическое развитие стран проживания.

Наблюдая за процессами, происходящими в Юго-Восточной Азии, некоторые учёные предполагают, что сегодня, в условиях глобализации, происходит процесс становления цивилизационной идентичности народов данного региона. Однако он сдерживается рядом обстоятельств. В частности, здесь велик разрыв уровней развития отдельных стран. Сингапур, например, уже сейчас называют «электронным государством», где гражданин осуществляет почти все свои связи с властью, в том числе уплату налогов, через Интернет. А ряд стран (Бирма, Камбоджа, Лаос) существенно отстают от своих соседей.

Угрозу «цивилизационной гармонии» в Юго-Восточной Азии создает также подъём исламского радикализма, который, по мнению некоторых специалистов, происходит под давлением «из сердцевины исламского мира». Так, в Индонезии – самом крупном мусульманском государстве – некоторые исламистские движения (Джемаа Исламия) ставят задачу создать в Юго-Восточной Азии мусульманский халифат, который должен включить все области первоначального укоренения ислама в данном регионе, а затем влиться во всемирный халифат. Эти и другие факторы определяют непростой характер цивилизационной ситуации в Юго-Восточной Азии.

В целом опыт региональной интеграции на Востоке демонстрирует существенные особенности, отличающие её от европейской модели. Обращаясь к опыту Европы, некоторые исследователи выделяют ряд «обязательных» признаков интеграции: её комплексную природу, охватывающую сферы политики, экономики и социального развития, непременное создание наднациональных управленческих структур, формирование общих социо-культурных и политических ориентиров и т. д. Современные же модели азиатской интеграции (АСЕАН, в частности) пока не испытывают потребности в переходе к «наднациональному уровню» за счёт ограничения государственного суверенитета их участников и строятся исключительно на межправительственной основе.

Актуальные проблемы современного Востока. Одной из основных трудностей, с которой приходится сталкиваться современным цивилизациям Востока, является *проблема перенаселённости*. Сегодня в Азии проживает 4 млрд 200 млн человек, в Африке – около 1 млрд человек, что в общей сложности составляет почти 75 % населения планеты. Темпы прироста численности населения в афро-азиатских странах за последние 50 лет устойчиво держались на уровне 2–2,25 % в год, а в ряде случаев (например, в Африке южнее Сахары), нередко превышали 3 %. В развитых же странах Запада они не поднимались выше 1 %. По прогнозам демографов, к середине XXI в. в афро-азиатском регионе будет проживать 80 % человечества.

Сегодня самые низкие темпы прироста населения из всех цивилизационных зон и регионов Востока наблюдаются в странах Восточной Азии, где они существенно меньше средних общемировых показателей (вследствие этого население Японии, например, к середине XXI в. может сократиться со 127 до 105 млн человек). Несколько выше общемировых темпы прироста населения в Юго-Восточной Азии. Но наиболее высокие темпы демографического роста демонстрируют страны Южной и Западной Азии.

Особенно велика рождаемость в мусульманском мире, население которого на протяжении XX в. возросло почти в 5 раз. Причём наиболее высокий демографический прирост происходит сегодня в самых бедных странах. Неконтролируемый рост населения порождает множество трудноразрешимых социально-экономических проблем.

Проблема перенаселенности является в настоящее время одной из основных для Китая. За период с 1949 по 2012 гг. его население увеличилось с 540 млн до 1,34 млрд человек, что составляет около 20 % всего населения планеты. Идеальной же для этой страны, по мнению учёных, с учётом размеров её территории, обеспеченности ресурсами и экологической ситуации, считается численность населения 700 млн человек. Сегодня на каждого китайца приходится гораздо меньше сельскохозяйственных ресурсов, чем на «среднестатистического» жителя Земли (в т. ч. пахотной земли – в 4 раза, а лесов – в 8 раз). Прогнозируют, что в 30-е гг. XXI в. населению Китая не будет хватать питьевой воды. Поэтому его правительство направляет усилия на ограничение рождаемости, проводит демографическую политику, суть которой определяется лозунгом «каждой семье – один ребенок». Она достаточно эффективна, поскольку в настоящее время темпы прироста населения существенно сократились. Однако сразу же возник другой тревожный феномен – население Китая стареет. К 2030 г., по прогнозам, число пожилых людей старше 60 лет может достигнуть 300 млн человек (почти 20 % всего населения). Поскольку процесс старения происходит в условиях относительно низких доходов, в будущем он может создать немало дополнительных социальных проблем.

Обостряется демографическая ситуация в Индии. В 2011 г. её жители составляли почти 1,2 млрд человек. Учитывая характерные для этой страны высокие темпы демографического роста, эксперты ООН полагают, что к 2030 г. население Индии достигнет 1,5 млрд человек, и она станет самой населенной страной мира, обогнав Китай. Возрастание «демографической нагрузки» порождает много серьёзных проблем. В частности, в настоящее время, несмотря на быстрые темпы экономического роста, Индия держит печальное лидерство по количеству недоедающих. В 2003–2005 гг. их насчитывалось 231 млн человек (больше, чем во всей Тропической Африке), причём эта цифра возросла по сравнению с периодом 20-летней давности.

Наблюдая за демографической ситуацией, которая складывается на планете, многие исследователи строят пессимистические прогнозы. В частности, высказывается предположение, что если человечеству не удастся обуздать неконтролируемый демографический рост, то природа – «не живая, но и не безжизненная, может вмешаться в этот процесс и прибегнуть к своим «регулирующим механизмам» в виде новых эпидемий, природных катастроф и катаклизмов и пр. (Л. С. Васильев).

Сегодня прослеживается ещё одна тревожная тенденция, напрямую связанная с Востоком – *рост число суверенных государств*. В 1900 г. на политической карте мира их существовало всего лишь 57, сегодня же – насчитывается более 200. В одной лишь Азии с момента окончания Второй мировой войны количество суверенных государств увеличилось почти в 5 раз. Самым молодым из них в Азии пока остаётся Восточный Тимор, который обрёл суверенитет в 2002 г., а в Африке – Южный Судан, обособившийся от мусульманских районов страны

в 2011 г. Однако сегодня вызывает тревогу судьба территориальной целостности целого ряда стран Востока (в частности, Ливии, Ирака, Афганистана, Сомали и др.). В них происходит борьба за власть между различными этническими и конфессиональными элитами, что чревато распадом этих государств и формированием на их руинах новых политических образований.

Рост числа суверенных государств значительно усложняет геополитическую картину мира, делает его нестабильным. Не следует забывать о том, что на Земле существует около 3 000 этносов, что чревато дальнейшим государственным дроблением. Как показывает жизнь, дезинтеграция полиэтнических государств создаёт вполне реальную угрозу межэтнических конфликтов. К тому же, уже сегодня мир становится слабоуправляемым, поскольку нередко политические процессы в отдельных странах и регионах выходят из-под контроля международного сообщества.

Так, не удалось предотвратить «расползание» ядерного вооружения. До конца 80-х гг. в «ядерный клуб» входило всего лишь 5 государств (США, СССР, Великобритания, Франция и Китай). В 1998 г. он пополнился двумя новыми членами – Индией и Пакистаном, – которые практически одновременно провели испытания собственного атомного оружия. Неконтролируемое распространение ядерного оружия привело к тому, что сегодня можно лишь предполагать, сколько стран имеют в своих арсеналах подобное оружие либо готовы его произвести в любой момент. По мнению экспертов, таких государств полтора десятка (в частности, особую тревогу вызывают ядерные программы Северной Кореи). Кроме того, глобального масштаба достигла угроза приобретения ядерного и других видов оружия массового уничтожения террористическими организациями.

Несмотря на все старания мирового сообщества, не удастся справиться с проблемой *международного терроризма*. Причём нередко борьба с терроризмом ведется такими методами, которые, наоборот, ведут к умножению его сил (примером могут служить Афганистан и Ирак). Не удастся совместными усилиями решать и целый ряд других вопросов, имеющих международный характер и требующих межцивилизационного взаимодействия (перенаселённость планеты, энергетическая и продовольственная нехватка, глобальное ухудшение экологической ситуации и др.).

В условиях глобализации всё более широкие масштабы приобретает *миграция населения* из афро-азиатских стран в индустриально развитые государства Запада. В частности, существенно расширился поток мусульманской миграции: если в 1950 г. в западноевропейских странах проживало всего 300 тыс. мусульман, то в 1970 г. их численность составляла уже 2,7 млн. Сегодня, с учётом нелегальной иммиграции, этот показатель составляет 19–25 млн человек (реальное количество мусульман в Западной Европе определить сложно, поскольку закон не разрешает регистрацию по религиозной принадлежности). Наиболее многочисленные общины сформировались во Франции (5–8 млн.), в Германии (3–3,5 млн), Великобритании (ок. 3 млн), Голландии (1,1 млн) и Италии (ок. 1 млн). С конца XX в. миграционные потоки приобрели стихийный характер. По прогнозам, к 2050 г. мусульманское население Западной Европы, благодаря высокому уровню рождаемости и массовой иммиграции из стран Северной Африки, Ближнего Востока и Индостана, может достичь 70 млн человек, или 15 % всего населения.

В США количество проживающих там выходцев с Востока составляет около 15 млн человек. Наибольшие этнические группы азиатского (по происхождению) населения составляют китайцы, японцы и филиппинцы. Велика также численность индийцев, пакистанцев, корейцев и вьетнамцев. В частности, в результате Индокитайской войны в 70-е гг. в Соединенные Штаты прибыли около 350 тыс. вьетнамских беженцев. Мусульманское население страны насчитывает примерно 7 млн человек (1/3 из них африканского происхождения, остальные – азиатского). Численность последователей ислама в Америке продолжает неуклонно расти, увеличивается количество мечетей (сейчас их около 1500) и мусульманских школ (около 550). Мусульманские общины во всем мире внутренне крепки и религиозно активны.

Мигранты из стран неевропейского мира превращаются сегодня в важный фактор экономического развития индустриально развитых стран, получающих дополнительные рабочие руки. Иностранные рабочие на пороге третьего тысячелетия составляли примерно 10 % активного населения Западной Европы. Выигрывают и «страны-доноры», в которых в результате миграции населения растёт социальная стабильность и финансовое благополучие, в первую очередь – за счёт денежных переводов из-за рубежа. Кроме того, вернувшиеся мигранты являются носителями новых знаний и высокой квалификации, приобретённых в развитых государствах Запада.

Вместе с тем, возникшие в этих странах национальные «восточные» общины зачастую не интегрируются в окружающую их европейскую цивилизационную среду, продолжают жить в соответствии с собственными традициями, ценностями и законами. С ростом численности иммигрантских общин они всё настойчивей требуют, чтобы общество учитывало их специфические интересы, что часто создает конфликтные ситуации; нередко меняется социальное поведение их членов (в Германии, например, заметили, что с 80-х гг. мусульмане не уступают дорогу на тротуаре встречным прохожим). Всё чаще этнические меньшинства становятся инструментом зарубежного влияния на внутреннюю политику европейских стран.

Поскольку рождаемость среди мигрантов с Востока в 2–3 раза превышает этот показатель среди европейцев, развивается заметное изменение этно-конфессионального облика развитых стран Запада. Показательна ситуация в Великобритании: уже сегодня среди «азиатской» части её населения людей моложе 16 лет больше, чем среди «белого» населения. По прогнозам, к 2050 г. в Британии может не остаться «этнического большинства» – оно будет размыто межнациональными браками и импортом иностранной рабочей силы.

Для современного периода в истории человечества характерна ускоренная *урбанизация*. Если в 1950 г. горожане составляли не более 30 % мирового населения, то в настоящее время в городах проживает уже более 50 % жителей планеты, а к 2050 г., по прогнозам ООН, этот показатель достигнет 70 %. Особенно быстро города растут в тех странах Азии и Африки, где возможности экстенсивного развития сельского хозяйства уже исчерпаны, что ведёт к массовой миграции сельского населения в города. Сегодня большинство городов-гигантов находятся в странах с низким уровнем доходов: в Китае, например, насчитывается свыше 100 городов с населением более 1 млн. человек, в Индии – 37, в Индонезии и Нигерии – по 10,

в Пакистане – 8 и т. д. Ускоренная урбанизация на Востоке выступает в качестве дестабилизирующего фактора для мирового развития. Зачастую выходцы из сельской местности не находят постоянной работы, пополняют маргинальные слои городского населения и служат богатым «социальным материалом» для различного рода радикалов и террористов (в первую очередь, молодые люди с их нестабильным экономическим положением и растущими потребностями).

Эти и другие, порой не менее важные проблемы свидетельствуют о том, что глобализация в её нынешних формах и проявлениях дает неоднозначные результаты для стран и народов Востока. Например, глобализация знаний привела к совершенствованию здравоохранения и увеличению продолжительности жизни. Но глобальная либерализация рынка капитала, проводником которой выступал МВФ, увеличила нестабильность мировых финансовых рынков, а львиная доля тягот от этой нестабильности легла на беднейшие страны.

Сегодня на Западе многие интеллектуалы и политики призывают к «обузданию» глобализации, установлению над ней эффективного контроля. Одна из проблем состоит в том, что её экономическая составляющая явно опережает политическую, что ведёт к углублению неравенства, возникновению его новых форм. Ситуация усугубляется отсутствием институтов, способных обеспечить демократическое принятие решений на глобальном уровне. Исходя из этого, всё чаще раздаются голоса, призывающие к кардинальной «реформе» глобализации.

В 2011 г. большой международный резонанс получило заявление Д. Стросс-Кана, в то время возглавлявшего МВФ: «Нам нужна глобализация нового рода, более справедливая глобализация, глобализация с человеческим лицом. Блага от экономического роста должны широко распределяться, а не просто присваиваться горсткой привилегированных людей».

Сумеет ли человечество извлечь уроки из своего нынешнего опыта, покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азия и Африка в современной мировой политике. М., 2012.
2. АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы. М., 2010.
3. Белокреницкий В. Я. Восток в международных отношениях и мировой политике. М., 2009.
4. История Востока: в 6 т. Т. 5. Восток в новейшее время: 1914–1945 гг. М., 2006; Т. 6. Восток в новейший период (1945–2000 гг.). М., 2008.
5. Страны Востока: социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации. Памяти А. М. Петрова. М., 2012.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение. Теоретические основы цивилизационного подхода к истории (Краснова И. А., Польская С. А.).....	5
Раздел I. ЦИВИЛИЗАЦИИ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	
Глава 1. Генезис древнейших цивилизаций (Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е. А.).....	8
Глава 2. Специфика древневосточных цивилизаций (Беликов А. П.).....	25
Глава 3. Античная цивилизация как особый путь развития (Беликов А. П.).....	41
Глава 4. Средневековая цивилизация Западной Европы (Краснова И. А.).....	55
Глава 5. Город в средневековой цивилизации (Краснова И. А.).....	81
Глава 6. Византийская цивилизация (Польская С. А.).....	91
Глава 7. Цивилизации Юго-Восточной и Центральной Европы эпохи средневековья (Адамска Д., Польская С. А.).....	111
Глава 8. Цивилизации средневекового Востока (Тельменко Е. П.).....	127
Раздел II. ЦИВИЛИЗАЦИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ	
Глава 9. Страны Запада в XVII–XVIII вв.: от традиционного общества к индустриальному (Пантюхина Т. В.)	146
Глава 10. Западноевропейская цивилизация на индустриальной стадии развития: социальная структура общества и политические процессы в XIX – начале XX вв. (Пантюхина Т. В.).....	161
Глава 11. Цивилизации Центрально-Восточной Европы эпохи раннего нового времени (Ковальчик Э.).....	178
Глава 12. Цивилизации Востока в новое время (Тумаков А. И.).....	186
Глава 13. Страны Запада в первой половине XX столетия (1918–1945 гг.) (Величко Л. Н., Коробкина И. А.).....	207

Глава 14. Исторические особенности развития Центрально-Восточной Европы в условиях модернизации XVIII–XX вв. (Крючков И. В., Цихорацки П.).....	227
Глава 15. Современное постиндустриальное общество: особенности и противоречия развития (Ермаков В. П., Крючков И. В., Крючкова Н. Д.).....	248
Глава 16. Цивилизации Востока в условиях распада колониальной системы и глобализации (Тумаков А. И.).....	269

Учебное издание

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

УЧЕБНИК

Редактор, технический редактор Л. Г. Ерицян
компьютерная верстка Н. П. Чивиджева

Подписано в печать 21.05.2015

Формат 170х250 1/16

Усл. п. л. 34,41

Уч.-изд. л. 33,79

Бумага офсетная

Заказ 44

Тираж 100 экз.

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029 г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2